

УДК 821.111(73)09"18"(092)Дикинсон

**ПОЭЗИЯ КАК ОБЪЕКТ ТВОРЧЕСТВА
ЭМИЛИ ДИКИНСОН****О. Л. Хаецкая,***кандидат филологических наук,
доцент кафедры межкультурной
экономической коммуникации БГЭУ*

Поступила в редакцию 11.10.2023.

На основе анализа литературного наследия (стихи, посвященные поэтическому творчеству, эпистолярный) Эмили Дикинсон раскрыта специфика восприятия поэзии американской поэтессы и рассмотрены особенности отражения индивидуально-авторских принципов поэтического творчества в ее лирике. Отмечены отличительные черты поэтического стиля Э. Дикинсон, характерные, в частности, для стихотворений о поэзии и поэте.

Ключевые слова: Эмили Дикинсон; американская литература; поэзия; поэтическое творчество; поэт.

On the basis of the analysis of Emily Dickinson's literary heritage (poems devoted to poetic creativity and epistolary) the specificity of the American poetess's perception of poetry is revealed. The peculiarities of the reflection of E. Dickinson's poetic principles in her lyrics are demonstrated and the main features of her style are outlined.

Keywords: Emily Dickinson; American literature; poetry; poetic creativity; poet.

Эмили Элизабет Дикинсон (1830–1886) – одна из главных фигур в истории литературы США XIX в., изменившая не только направление американской поэтической мысли, но и само определение поэзии. Обгоняя время, оказавшееся неспособным воспринять ее своеобразное, бескомпромиссное и перенасыщенное содержанием творчество, где на смену энтузиазму приходит мудрая прозорливость, ирония и скепсис, Э. Дикинсон осуществляет поиск собственного пути на литературном поприще. Оставляя невостребованными классические теории поэтического искусства и традиционные модели стихосложения, она создает поэзию, оценить которую по достоинству мировая литература смогла много позже – в XX в.

Наследие Э. Дикинсон, бесспорно, вызывает неподдельный интерес зарубежных и отечественных литературоведов (П. Бенетт, К. Гриффит, Дж. Ф. Дейл, К. Пауэл, М. Фарланд, Т. Д. Венедиктова, О. И. Гутар, А. М. Зверев, Д. Д. Инцкирвели, Т. Е. Комаровская, М. Г. Костицына, Э. Ф. Осипова и др.), находящих все новые контексты для исследования мировоззрения и индивидуально-авторского стиля новоанглийской поэтессы. Ее творчество – это многомерная поэтическая реальность, органично сочетающаяся, по словам А. Грибанова, несоединимое: «камерность и всеохватность, детскую непосредственность и острое переживание предельных вопросов бытия, безупречную логику и открытость высшей музыке, трогательную женственность и готовность к одинокой битве с миром, более того, с мирозданием» [1, с. 13]. Благодаря поэтическому творчеству Э. Дикинсон может заглянуть в неизвестное; через обретения и потери получить собственный жизненный опыт; усомниться в истинности церковных догм; воссоздать против пуританских канонов; оставаться верной себе; через диалектику эмоций и проецирование переживаемых состояний на явления внешнего мира обретать полноту бытия в жизни природы; исследовать человеческую душу. Э. Дикинсон наблюдает, всматривается, вслушивается и оставляет переживаемое на бумаге: сверхлаконично и вместе с тем

UDC 821.111(73)09"18"(092)Дикинсон

**POETRY AS AN OBJECT OF EMILY
DICKINSON'S CREATIVE WORKS****О. Khaetskaya,***Phd in Philology, Associate Professor
of the Department of Intercultural
Economic Communication of BSEU*

Received on 11.10.2023.

емко, конкретно, часто иронично, дерзко и предельно честно.

Настольной книгой Э. Дикинсон, воспитанной в пуританских традициях, поощрявших кальвинистский, ортодоксальный и консервативный подход к христианству, является Библия. Американская поэтесса читает классику, восхищается поэзией Роберта и Элизабет Баррет Браунинг, Дж. Китса, У. Шекспира, интересуется трудами Ч. Дарвина, М. Арнольда, Дж. Рёскина, Т. Брауна. В ее мировосприятии находят отражение художественные ориентации английских поэтов-метафизиков: постижение смысла бытия через органичный синтез логики и чувств; сочетание видимого со скрытым; остроумие, за которым просматривается глубокая позиция автора; интеллектуальность, парадоксальность рассуждений и неожиданность выводов; одиночество человека во Вселенной; «мотивы противостояния Богу и вопрошание самого существования Бога» [2, с. 359].

Мировоззрение новоанглийской поэтессы формируется под влиянием трансцендентализма Р. У. Эмерсона. Его мировоззренческие искания с ориентацией на индивидуализм, доверие собственным идеалам, духовное самосовершенствование, интуитивное постижение макрокосма через микрокосм, пиетет перед природным началом и теория поэзии с характерными для нее сложностью мысли, лаконичностью, афористичностью и фрагментарностью, многослойностью и подвижностью символов оказывают значительное влияние на Э. Дикинсон. Вместе с тем философско-эстетическая система Р. У. Эмерсона получает серьезное переосмысление в творчестве представительницы переходного от романтизма к реализму периода в американской литературе.

XIX в. – знаковый период в истории американской национальной литературы, который, по словам Г. У. Лонгфелло, более всего подходит для упражнения над поэтическим искусством [3, с. 23]. Одной из главных тем для представителей творческого пантеона Америки в эпоху Романтизма, формули-

рующих индивидуально-авторские концепции поэтического творчества, становится тема поэзии и поэта. Эмили Дикинсон не исключение. Она, в отличие от Р. У. Эмерсона или Э. А. По, не ставит перед собой цель создать теоретически обоснованную эстетическую систему. Вместе с тем ее стихи и письма, в том числе рукописи, которые содержат множество разных пометок и замечаний о сути поэтического процесса, заключают в себе богатый материал для исследования дикинсонских представлений о вдохновении, воображении, поэзии, поэте и его роли в творческом акте.

Культура, в которой воспитывается амхерстская поэтесса, в силу пуританского наследия дорожит словом. Разочаровавшись в церкви, Э. Дикинсон становится прихожанкой живого храма Природы, объявляя своей религией поэзию, где слова обладают священной мощью. Р. У. Эмерсон, которым восхищается Э. Дикинсон, наделяет слова творческой силой, утверждая, что они являются формой божественной энергии. Вслед за основоположником трансцендентализма, который в эссе «Поэт» утверждает поэтическую природу языка: «*Language is fossil poetry... it (language) is made up of images, or tropes, which now, in their secondary use, have long ceased to remind us of their poetic origin*»¹ [4, с. 22], Э. Дикинсон формирует особое отношение к словам: она отчетливо осознает силу их влияния. Слова ценны и могущественны, способны спасти и нанести сокрушительный удар; это живые организмы, которые в момент произнесения начинают жить собственной жизнью, неподвластной говорящему. По мнению американской поэтессы, слово, неосторожно брошенное на страницу, может нести разрушения, в том числе после смерти своего создателя. Отсюда стремление Э. Дикинсон к краткости, которая только усиливает эффект того, что в стихах говорится обо всем сразу, и щепетильность в выборе нужного слова: «*I hesitate which word to take, as I can take but few and each must be the chiefest*»² [5, L. 873]. При этом всепоглощающая сила слов увеличивается непосредственно благодаря поэтическому контексту, поскольку в обычном употреблении они лишены возможности передавать полноту вложенного в них смысла. Поэтический язык находится в постоянном движении, помогая творцу стихов исследовать тайны бытия, несмотря на невозможность зачастую передать постигаемое. Ярким примером данного утверждения являются следующие строки американского автора: «*I found the words to every thought / I ever had – but One – And that – defies me*» [6, с. 284, стих. 581] – ‘Слова для каждой мысли находила – / кроме Одной – Никак мне не дается –’. Очевидно, что поливалентность слова *that* в данных строках делает возможными две интерпретации: 1) автору никак не дается (не повинуется) **эта** одна мысль – **that One** (thought) и 2) есть одна мысль, которую хочется выразить и для которой нужно найти нужные слова,

однако **это** – **that** никак не дается (не получается) говорящему.

Основополагающее представление Э. Дикинсон о поэзии находит художественное воплощение в небольшом по размеру (три строки) стихотворении 1472: «*To see the Summer Sky / Is Poetry, though never in a Book it lie – / True Poems flee*» [6, с. 623] – ‘Смотреть в Летнее Небо – / вот Поэзия, не в книге – / Настоящая – она все время ускользает’. Такое видение поэтического искусства, имеющего божественное начало, объясняет отсутствие у одной из значительных фигур американской литературы, посвятивших себя служению высшему виду человеческой деятельности (как определяют поэзию представители романтизма), четко сформулированной теоретической концепции поэтического творчества. Призванная отражать бытие в разнообразных его проявлениях, поэзия, по мнению Э. Дикинсон, – живая ткань, которой необходимо чувство речевой свободы, ее невозможно вписать в строгие рамки, зажимая четко заданной формой. В стихотворении 613 американская поэтесса сравнивает стремления тех, кто пытается навязать ей определенные правила, заставить угождать вкусам и соответствовать ожиданиям окружения, с попытками закрыть ее в чулане (отсылка к детским воспоминаниям). Э. Дикинсон подчеркивает тщетность любых попыток «*shut(me) up in Prose – As when a little Girl / put(me) in the Closet*» [6, с. 302] – ‘запереть ее в прозу’ и сдерживать истинное звучание ее голоса. Иронично и дерзко она заявляет, что наказав ее одиночеством на чердаке невозможно: там, весело смеясь, поэтесса дает волю воображению, чтобы «*The spreading wide my narrow Hands / To gather Paradise*» [6, с. 327, стих. 657] – ‘Малыми руками творить свой дивный Рай’. Для Э. Дикинсон жизнь без поэзии немислима и на вопросы, поднимаемые в стихотворении 505, творить свое или наслаждаться чужими произведениями, петью самой или слушать мелодию корнета, быть поэтом или нет, она дает бескомпромиссный ответ: «*Nor would I be a Poet – / It's finer – own the Ear – / Enamored – Impotent – content – / The License to revere, / A privilege so awful*» [6, с. 246] – ‘Зачем поэтом быть? / Нет, я хочу покорно / Вбирать божественную суть, / Ее призыв бесспорный’ (пер. А. Грибанова).

Превращение глубоких чувств, эмоций, наблюдений и размышлений в слова – акт творения, предполагающий варианты и альтернативы. Наличие вариаций закономерно приводит к появлению свойственного дикинсонской манере парадокса: определяя (define) любое явление, состояние, чувство, ощущение, а) оставлять их неопределимыми: «*The Definition of Beauty is / That Definition is none*» [6, с. 460, стих. 988] – ‘Определение Красоты – его не существует’, «*Renunciation – is a piercing Virtue*» [6, с. 365, стих. 745] – ‘Пронзительная Добродетель – Отречение»; б) описывать через отрицание, т. е. через то, чем они не являются: «*Gratitude – is not the mention / Of a Tenderness*» [6, с. 461, стих. 989] – ‘Благодарность – не отклик Нежности»; «*...yet Touch / Alone – is not a Tune*» [6, с. 654, стих. 1576] – ‘Прикосновение / само по себе – не мелодия’. Вместе с тем определение одного понятия или явления через другое создает у Э. Дикинсон новый уровень значений, когда оба слова (определяемое и опре-

¹ Язык – это застывшая поэзия... он (язык) состоит из образов, или тропов, которые сейчас, лишены первоначального значения, уже давно перестали напоминать нам о своем поэтическом происхождении. – *Здесь и далее перевод наш – О. Хаецкая, если не указано иное.*

² Я колеблюсь, какое слово взять, ведь их может быть несколько, и каждое должно быть самым главным...

деляющее) меняют изначально заложенный в них смысл. Следует отметить, что часто в основе дефиниций новоанглийской поэтессы находятся метафоры, использование которых, по словам Т. Д. Венедиктовой, являет собой «усилие познающего духа, усилие слова, которое пытается победить бессловесность» [7, с. 179]: «*Morning – only the seed of Noon*»; «*Mirth is the Mail of Anguish*»; «*The Mushroom is the Elf of Plant*»; «*Surprise is like a thrilling*»; «*Contrasted with the Currency of Immortality*»; «*The Spider holds a Silver Ball*» и др.

Поэтическое творчество для амхерстской поэтессы неотделимо от ее наблюдений, созерцания, размышлений и исследований. Постигание сути любого феномена или переживания опытным путем, познание собственного «я» через взаимодействие с окружающим миром сопряжено у Э. Дикинсон с бесконечными поисками и невозможностью пытливого ума получить однозначные ответы на возникающие вопросы, что закономерно находит отражение в двойственности восприятия творчества. С одной стороны, это бесконечный и нелегкий труд души, претерпевающей страдания: «*The Martyr Poets – did not tell – / But wrought their Pang in syllable...*» [6, с. 265, стих. 544] – ‘Поэты-мученики – нет, не говорили – / Своєю болью выводили слоги...’. С другой стороны, только поэзия способна освободить ее создателя от переполняющего его каскада смыслов и чувств в моменты столкновения с мирозданием и осуществления открытий. В письме Т. Хиггинсону Э. Дикинсон замечает: «*And when far afterward – a sudden light on Orchards, or a new fashion in the wind troubled my attention – I felt a palsy, here – the Verses just relieve*»¹ [8, L. 265]. Эта мысль отчетливо звучит в стихотворении 755, где поэт предстает в образе любимой птицы Э. Дикинсон, которую она часто упоминает в стихах, – боболинка (Bobolink). Важно отметить, что именно его в стихотворении 324 поэтесса делает хористом на службе в саду, противопоставляемому службе церковной. Единственным средством утешения и утоления боли для певчей птицы является его музыка: «*Whose Music be His / Only Anodyne – / Brave Bobolink*» [6, с. 370, стих. 755] – ‘Ему лишь Музыка Его – спасение от боли / Отважный Боболинк’. Обращаясь к теме поэзии и поэта, Э. Дикинсон часто использует образы живых существ, которых она знает по именам и которым отведена определенная роль в ее Пантеоне творчества. Так, например, певчие птицы, прежде всего, малиновка и дрозд² (Robin) и вышеназванный боболинк могут быть родственными душами поэта, а их пение символизировать звучание его строк (стихи 250, 285, 312, 348, 416, 526 и др.); Паук, образ которого имеет множество толкований и вызывает противоречивые ассоциации, предстает у Э. Дикинсон художником, творцом ткацкого искусства, символизируя поэта, создающего из небытия поэтическую реальность (стихи 605, 1138, 1275); Пчела, олицетворяющая мудрость, сладость бытия и бесконечный труд, с которым у новоанглийского автора сравнивается служение творческой личности пре-

красному, может выступать метафорическим образом самой поэтессы (стихи 214, 916).

Стихи Э. Дикинсон в целом и о поэзии в частности аллегоричны и иносказательны, часто построены по принципу аналогии, которая, наряду с контрастами и парадоксами (*He has hid his rare life From our gross eyes; A word is dead when it is said; Honor honorless; Spreading wide my narrow Hands; Uncertain Certainty*), является особым выражением мышления амхерстской поэтессы. В качестве примера можно привести стихотворение 1247, в котором три процесса, происходящих на разных уровнях бытия (физический, душевный и духовный) – гроза, любовь и написание стихов – обнаруживают одинаковый механизм: усиление напряжения, сгущение, предчувствие (pile, misgiving, exertion) – замирание в предвкушении грома, всплеска (suspense, dangle) – столкновение, взрыв (crumble away, burst, reveal) – Вселенская тишина, наполненная красками, звуками, чувствами и смыслами (stillness, silence) [9, с. 101].

Поэтическое творчество Э. Дикинсон, бесспорно, интеллектуально, вместе с тем приоритетным в восприятии действительности американский классик делает непосредственно чувственный опыт. Интеллекту в этом процессе отводится второстепенная роль: он призван интерпретировать и облечь в словесную форму эмоционально переживаемую реальность. Так поэтическое творчество у Э. Дикинсон превращается в масштабное видение, которое организуется по собственным законам, приобретая самодовлеющую целостность мысли и чувства, в то время как поэт, призванный давать мысли словесное воплощение, претендует на равенство с Богом: «*Thought belong to Him who gave it – / Then – to Him Who bear / Its Corporeal illustration – Sell / The Royal Air*» [6, с. 348, стих. 709] – ‘По праву Мысль принадлежит двоим лишь – / Тому, кто ее создал, / И кто ее звучаньем наделил’. Более того в стихотворении 569 пуританка-бунтарка идет дальше, бескомпромиссно ставя мастера Слова выше Его Творца: «*I reckon – when I count at all – / First – Poets – Then the Sun – / Then Summer – Then the Heaven of God – / And then – the List is done*» [6, с. 277] – ‘Если считать – сочту я так: / Поэты прежде есть, – Есть Солнце, Лето – Рай Небес – / Там Бог – и список весь’. Вслед за Р. У. Эмерсоном, который провозглашает поэта провидцем (Knower), пророком (Sayer) и возлагает на него великую миссию – постигая Истину, передавать ее людям (Doer), Э. Дикинсон осознает особую роль поэта как транслятора знаний и духовных ценностей. Вместе с тем новоанглийский автор в большей степени ориентируется именно на исследование тайн бытия и поиск Истины, чем на просвещение человечества; ее поэт – ученый (Investigator). Его основная задача – познавать и выражать познаваемое, чему, непосредственно, амхерстская поэтесса посвящает собственную жизнь. Иллюстрацией дикинсонской идеи о предназначении поэта и ее предствлений о вечности истинной поэзии служит стихотворение 883: «*The Poets light but Lamps – Themselves – go out – / The Wicks they stimulate*» [6, с. 419] – ‘Поэт сумел огонь зажечь, / И пусть уходит. / Вновь из лампы свет извлечь / Другие смогут’ (пер. А. Грибанова). Поэт призван «зажечь огонь Вселенской

¹ И когда много позже внезапный свет над садами или что-то новое в ветре приковывали мое внимание – я была как в параличе – в такие моменты только стихи дают облегчение.

² Одноименные птицы в английском языке

Истины», распорядиться им человечество (прежде всего, те, кто способен и готов воспринять передаваемое поэтом) сможет самостоятельно. С одной стороны, в стихотворении можно обнаружить аллюзию на выражение из Евангелия от Матфея: «Кто имеет уши слышать, да услышит» [Мф, 11:15]. С другой стороны, такое видение Э. Дикинсон задачи поэта созвучно представлениям ее старшего современника Г. У. Лонгфелло, у которого в стихотворении Прометей (*Prometheus, or the Poet's Forethought*) поэт – вестник Света, добывающий из основ мироздания огонь Истины и несущий его людям. Э. Дикинсон убеждена, что истинный поэт «*Work for Immortality – / The Chief part, for Time*» [6, с. 193, стих. 406] – ‘Творит для вечности / Другим награда Времени нужна’. Очевидно, данная идея заимствована у Р. У. Эмерсона, противопоставляющего истинных поэтов (*Poets*), являющихся посредниками между Богом и людьми, и талантливых художников (*Artists*), которым не хватает интуитивного начала, стихоплетам (*Versifiers*). Художники и поэты, по его мнению, творят для вечности, стихоплеты – для времени.

Поэтический стиль Э. Дикинсон фрагментарен и лаконичен. Его специфическими чертами являются нетрадиционная пунктуация, придающая (наряду с усеченной строкой или рифмой) стихам музыкальность, капитализация, используемая автором для эмфатичности или персонификации, и тире, которым заменены многие знаки препинания. Дикинсонские тире имеют несколько функций: а) несут смысловую нагрузку, а именно: часто уловить полноту заключенного в стихах послания, предугадать мысль автора, проследить состояние лирической героини становится возможным только благодаря имеющимся тире; б) выступают в качестве апози-

опезиса, то есть, делая строки обрывочными, придавая им сбивчивость звучания, тире выступают элементом просодики.

Таким образом, отталкиваясь от основных положений трансцендентализма (индивидуализм, доверие к себе, идея деятельной души, духовное самосовершенствование, интеллект как высшая форма познания, пиетет перед природным началом, интуитивность поэзии) и переосмысляя их, испытывая влияние английской метафизической школы (сочетание видимого со скрытым, одиночество человека во Вселенной, интеллектуальность как способность проводить анализы, остроумие, неожиданность выводов, сближение разнородных понятий), Э. Дикинсон демонстрирует собственное понимание поэзии как неотъемлемой части бесконечных поисков в процессе постижения бытия и собственного «я». Она создает образ поэта как наблюдательного размышляющего ученого, в исследованиях которого воображение и чувственный опыт главенствуют над отвлеченной мыслью.

Поэзия Э. Дикинсон – многогранное, масштабное видение, организованное по собственным законам и органично сочетающее детскую непосредственность и сложный внутренний мир художника, трогательность и непреклонную решительность, бескомпромиссную логику и глубокие чувства. Противоречивость, парадоксальность, контрастность, смысловая осложненность, аллегоричность, метафоричность, обилие аллегорий, сбивчивый ритм, капитализация и своеобразная пунктуация – отличительные особенности индивидуально-авторского почерка Э. Дикинсон, превращающие ее поэзию в многомерную реальность, одушевленную естественностью ритма, наполненную звучанием и суггестивностью смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дикинсон, Э. Избранные стихотворения и письма // переводы Александра Грибанова. – М. : Новый Хронограф, 2022. – 720 с.
2. Алиева, Т. И. Поэты – метафизики: От Джона Донна до Гамлета Исаханлы / Т. И. Алиева // Azerbaijan in World Literature : papers from the conf., Baku, 27–29 May 2011 / Khazar Univ. ; ed.: E. Semedova. – Baku : Khazar Univ., 2012. – 595 p.
3. Хаецкая, А. Агульнае і асаблівае ў творчых канцэпцыях амерыканскіх паэтаў XIX ст. / А. Хаецкая // Роднае слова. – 2019. – № 8. – С. 23–25.
4. Emerson, R. W. The Poet / R. W. Emerson // The complete works : in 12 vol. – Michigan, 2006. – Vol. 3 : Essays. 2d series. – P. 1–42.
5. Dickinson, E. Elizabeth Holland correspondence: To Mrs. J. G. Holland [Electronic resource] / E. Dickinson. – Mode of access: <http://archive.emilydickinson.org/correspondence/holland/1873.html> – Date of access: 08.10.2023.
6. Dickinson, E. The Complete Poems of Emily Dickinson / E. Dickinson. – Boston–Toronto : Little Brown & Company, 1960. – 770 p.
7. Венедиктова, Т. Д. Эмили Дикинсон / Т. Д. Венедиктова // История литературы США : в 4 т. – М. : ИМАИ РАН, 2003. – Т. 4. – С. 151–193.
8. Dickinson, E. Thomas Higginson correspondence [Electronic resource] / E. Dickinson. – Mode of access: <http://archive.emilydickinson.org/correspondence/higginson/1265.html> – Date of access: 08.10.2023.
9. Хаецкая, О. Л. Поэтическое мировосприятие в творчестве Эмили Дикинсон: переосмысление эстетики трансцендентализма и поиск собственного пути / О. Л. Хаецкая // Весці БДПУ. Серыя 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2019. – № 1(99). – С. 98–102.

REFERENCES

1. Dickinson, E. Izbrannyye stihotvoreniya i pis'ma // perevody Aleksandra Gribanova. – M. : Novyy Hronograf, 2022. – 720 s.
2. Alieva, T. I. Poety – metafiziki: Ot Dzhona Donna do Gamleta Isahanly / T. I. Alieva // Azerbaijan in World Literature : papers from the conf., Baku, 27–29 May 2011 / Khazar Univ. ; ed.: E. Semedova. – Baku : Khazar Univ., 2012. – 595 p.
3. Haetskaya, A. Agul'nae i asablivae ū tvorchykh koncepcyayah amerykanskih poetaŭ XIX st. / A. Haetskaya // Rodnae slova. – 2019. – № 8. – S. 23–25.
4. Emerson, R. W. The Poet / R. W. Emerson // The complete works : in 12 vol. – Michigan, 2006. – Vol. 3 : Essays. 2d series. – P. 1–42.
5. Dickinson, E. Elizabeth Holland correspondence: To Mrs. J. G. Holland [Electronic resource] / E. Dickinson. – Mode of access: <http://archive.emilydickinson.org/correspondence/holland/1873.html> – Date of access: 08.10.2023.
6. Dickinson, E. The Complete Poems of Emily Dickinson / E. Dickinson. – Boston–Toronto : Little Brown & Company, 1960. – 770 p.
7. Venediktova, T. D. Emili Dikinson / T. D. Venediktova // Istoriya literatury SShA : v 4 t. – M. : IMAI RAN, 2003. – T. 4. – S. 151–193.
8. Dickinson, E. Thomas Higginson correspondence [Electronic resource] / E. Dickinson. – Mode of access: <http://archive.emilydickinson.org/correspondence/higginson/1265.html> – Date of access: 08.10.2023.
9. Haetskaya, O. L. Poeticheskoe mirovospriyatye v tvorchestve Emili Dikinson: pereosmyslenie estetiki transcendentalizma i poisk sobstvennogo puti / O. L. Haetskaya // Vesci BDP. Seryya 1. Pedagogika. Psihologiya. Filalogiya. – 2019. – № 1(99). – S. 98–102.